

ЯЗЫЧЕСКОЕ И ХРИСТИАНСКОЕ В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА “В ОВРАГЕ”

© 2004 Т.Ф. Пухова

Воронежский государственный университет

Мифологические представления русского народа представляют собой глубинный, уходящий в тысячелетнюю историю, пласт духовной и материальной культуры. И по сей день порой прорываются отголоски древнейших, прежде широко распространенных языческих верований. Разумеется, более полные, наглядные примеры таких поверий мы видим в сборниках дореволюционных фольклористов-этнографов, а также в литературных произведениях XIX в., в которых изображается жизнь патриархальной российской деревни.

Интересные свидетельства мифологических представлений мы наблюдаем в произведениях А. П. Чехова. Объективность повествования как важнейший художественный принцип позволила ему, может быть, в большей, чем другим художникам XIX в., степени, наглядно, выпукло отразить разнообразные взгляды героев. В чеховских рассказах и повестях перед нами проходят герои, глубоко и искренне верующие. Это и священнослужитель самого высокого ранга из рассказа “Архиерей”, и монах Николай, автор удивительных акафистов, влюбленный в красоту церковного слова (рассказ “Святою ночью”), и дьякон из повести “Дуэль”, искренне верящий в справедливость божьего слова и необходимость служения богу и людям, а также простая верующая, бывшая горничная, богомольная Ольга (повесть “Мужики”).

Особо показаны Чеховым религиозные верования простых крестьян. Их представления заметно отличаются от взглядов более или менее религиозно образованных героев. В их мыслях, чувствах явно ощущается сильное присутствие древних языческих представлений. Общеизвестен факт существования двоеверия на Руси и даже, по мнению В. Ключевского, троеверия (славянское язычество и христианство, финно-угорское язычество) [1, 309]. Порой религиозные представления крестьян являют собой причудливый сплав языческих и народно-христианских

представлений, что является прямым свидетельством двоеверия.

Обратимся к повести А. П. Чехова “В овраге”, написанной в 1900 г., к тем главам, в которых писатель показывает то громадное потрясение, которое переживает Липа, потерявшая крошечного сына. “Никифора свезли в земскую больницу, и к вечеру он умер там. Липа не стала дожидаться, когда за ней приедут, а завернула покойника в одеяльце и понесла домой” [С., X, 172].

Липу окружает великолепная весенняя, торжествующая природа: “Солнце легло спать и укрылось багряной золотой парчой, и длинные облака, красные и лиловые, сторожили его покой, протянувшись по небу. Где-то далеко, неизвестно где, кричала выпь, точно корова, запертая в сарае, заунывно и глухо. <...> Наверху в больнице, у самого пруда в кустах, за поселком и кругом в поле заливались соловьи. Чьи-то года считала кукушка и все сбивалась со счета, и опять начинала. В пруде сердито, надрываясь, перекликались лягушки... Какой был шум! Казалось, что все эти твари кричали и пели нарочно, чтобы все, даже сердитые лягушки, дорожили и наслаждались каждой минутой: ведь жизнь дается только один раз” [С., X, 173]. Постоянно подчеркивается зловещее сочетание красных, багровых тонов: “больница... вся светилась от заходившего солнца и, казалось, горела внутри”; “мальчик в красной рубаше”; “солнце легло спать и укрылось багряной золотой парчой”.

Состояние героини противоположно окружающему радостному миру: “На небе светил серебряный полумесяц, было много звезд. Липа не помнила, как долго она сидела у пруда, но когда встала и пошла, то в поселке все уже спали и не было ни одного огня <...> Она глядела на небо и думала о том, где теперь душа ее мальчика: идет ли следом за ней или носится там вверху, около звезд, и уже не думает о своей матери? О, как одиноко в поле ночью, среди этого пения, когда

сам не можешь петь, среди непрерывных криков радости, когда сам не можешь радоваться, когда небо смотрит месяц, тоже одинокий, которому все равно — весна теперь или зима, живы люди или мертвы...” [С., X, 173].

В размышлениях Липы, обращенных к душе мальчика, мы замечаем чисто языческое, древнее представление о том, что душа умершего человека должна найти свое место у своей звезды. Перед нами отголосок древних ритуалов и обрядов, связанных с языческими похоронами. По свидетельствам ученых-археологов известно, что славяне разных племен по-разному хоронили покойников: “Одни хоронили (хранили) своих умерших предков в земле, считая, то те потом помогают живым с того света, оставляли им что-нибудь в пищу. Другие — сжигали умерших в ладьях (лодьях), отправляя их души в небесное плавание, полагали, что если тело сжечь, душа быстрее поднимется на небо и там приставится каждая к своей звезде (отсюда — преставился)”;

“По некоторым поверьям, звезды — это души умерших людей в момент смерти. Душа вылетает изо рта в виде яркой звезды и устремляется к небу. Падающие звезды — души умерших некрещеными детей (ср. обозначение Млечного пути как дороги душ)” [2, 166-167].

Липа страдает от одиночества “среди непрерывных криков радости”. “Когда на душе горе, то тяжело без людей. Если бы с ней была мать, Прасковья, или Костыль, или кухарка или какой-нибудь мужик” [С., X, 173]. Судьба подарит ей встречу с необыкновенно отзывчивым сострадательным человеком — попутчиком-стариком. Липа рассказывает ему о своем горе и впервые за все это время встречает сочувствие:

“Старик поднял уголек <...> подошел с огнем к Липе и взглянул на нее; и взгляд его выражал сострадание и нежность.

— Ты мать, — сказал он. — Всякой матери свое дите жалко”.

И здесь у Липы вырываются потрясающие по своей пронизательности и гениальной простоте слова:

— Вы святые? — спросила Липа у старика.

— Нет. Мы из Фирсанова.

— Ты давеча взглянул на меня, а сердце мое помягло. И парень тихий. Я и подумала: это, должно, святые” [С., X, 174].

Красавица Липа, выросшая “в ужасной бедности”, ходившая “на поденку”, увидела в старике возчике, потерявшем при переселении в Сибирь всю семью и живущем теперь в батраках, человека в самом высоком смысле слова. Чехов нарисовал нам, казалось, сцену из библейской истории: поле, костер, повозка, старик, страдающая мать... В словах Липы выражается чисто

народное понимание христианской святости как доброты, понимания, мудрости. Ее отношение к старику из Фирсанова тут же подтверждается. Ведь никто, кроме него, не понял лучше ее ужасное душевное состояние: “Ничего... Твое горе с полгоря. Жизнь долгая — будет еще и хорошего, и дурного, всего будет. Велика матушка Россия! Я во всей России был и все в ней видел, и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное” [С., X, 175].

Но вернемся к мысли Липы о душе ее мальчика. Она сомневается, не зная точно: “где душа ее мальчика: идет ли следом за ней или носится там вверху, около звезд...”. Мы видим, как здесь встречаются два представления: языческое и христианское. По православному поверию душа только что усопшего человека находится некоторое время на земле. По свидетельству святых отцов, душе человека бывает страшно при выходе из тела, особенно тяжело в первые три дня вне тела. При выходе из тела душа встречает Ангела-хранителя, данного ей при святом крещении, и духов злобы (бесов). Вид последних так ужасен, что душа мятется и трепещет при виде их. “Когда св. Макарий Александрийский просил ангела, сопровождавшего его в пустыне, объяснить значение церковного поминовения в третий день, то ангел ответил ему: “Когда в третий день бывает в церкви поминовение (за душу усопшего), тогда душа умершего получает от стерегущего ангела облегчение в скорби, которую чувствует от разлучения с телом. В продолжение двух дней душа, любящая тело, скитается иногда около дома, в котором положено тело... В третий же день Тот, кто сам воскрес в третий день из мертвых, повелевает, в подражание его воскресению, вознестись христианской душе на небеса. В этот же день душе предстоит пройти так называемые “мытарства” — падшие духи (“мытари”) пытаются перехватить восходящую к Богу душу, уличая ее в совершенных (и несовершенных) грехах. Поэтому душе так важны защитники не только небесные, но и земные — люди, которые любят почившего, помнят его добрые дела” [3, 475-476].

В чеховской повести несколько раз звучит вопрос о положении души умершего. В начале VIII главы это мысли героини, дополненные рассуждениями автора, который как бы разъясняет, растолковывает ее позицию за нее. Затем вновь звучит тема души, но уже в форме разговора Липы со стариком и Вавилой. Автор как бы наблюдает за ними со стороны, обращая свое внимание на тот отклик, который имеют эти слова.

“— Дедушка, — спросила Липа, — когда человек помрет, то сколько дней его душа потом по земле ходит?

А кто ж его знает! Вот спросим Вавилу — он

в школу ходил. Теперь всему учат"[С., X, 176].

Липа и старик получают ответ от "образованного" Вавилы:

— Вавила, как человек помрет, сколько дней его душа по земле ходит?

Вавила остановил лошадь и тогда уж ответил:

— Девять дён. Мой дядя Кирилла помер, так его душа в избе нашей жила потом тринадцать дён.

— Почему ты знаешь?

— Тринадцать дён в печке стучало".

В словах Вавилы заложено противоречие: и 9 дней, и 13. Кроме того, известно по православному обряду, что с 3 по 9 день душа уже не скитается около тела, а пребывает в царстве небесном: "После тяжелого восхождения следует поклонение Богу. По его указанию следующие шесть дней душа умиротворяется рассматриванием райских обителей, забывая на время скорби своего земного существования. На девятый день после разлучения с телом она вновь предстает перед богом" [3, 176].

Но интересна не только ошибка Вавилы, но и его рассказ о душе дяди Кириллы. Заметно — Чехов придает этому разговору уже несколько иронический характер.

— Ну, ладно. Трогай, — сказал старик, и видно было, что ничему этому не верил" [С., X, 170].

Обратимся же к народным представлениям о душе. Как указывает С. М. Толстая, "локусы души, освободившейся от тела в момент смерти, определяются временем и маршрутами ее перемещений, совершаемыми ее круговыми движениями сначала вокруг покинутого тела, затем концентрическими кругами все далее и далее от тела до ее постоянного пристанища на "том свете" [4, 164].

Первый локус души, по данным словаря, — это "дом, в котором душа остается по разным свидетельствам от трех до 40 дней (чаще 3, 9, 12) или же в эти сроки каждый день приходит домой. В это время в доме не тушат огни, оставляют для души на окне хлеб, воду и рушники, не прибирают постель. Освободившись, душа мо-

жет находиться в разных частях дома: у окна, на печке (полес. "У нас говорят, что на печке у куточку сидит душа сорок дэнь") или на стенах дома (в виде тени ходит по стенам — полес.), поэтому печку и дом какое-то время нельзя белить" [4, 165].

Другое важное свидетельство о народных представлениях о душе мы также находим в фольклорных записях: "Душу нельзя увидеть, но можно *услышать* по стуку двери или окна, по шагам в доме и т. п.". Такой знак, подаваемый душой ("тринадцать дён в печке стучало"), по народным представлениям аналогичен знакам, подаваемым персонажами низшей славянской мифологии: домовым, кикиморой, упырем. Место обитания домового и кикиморы также связано с домом: домовый — за печкой, а кикимора — в подызбице.

Не случайна несколько ироническая реакция опытного в житейских ситуациях старика, не верящего словам Вавилы. Но по своим человеческим качествам он приравнивается Липой к святому, убежденно проповедует веру в человека, невзирая на все трудности жизни.

Итак, в повести "В овраге" А. П. Чехов отразил часть религиозных крестьянских представлений о душе умершего, в которых одновременно уживаются и языческие, и христианские взгляды и обычаи. Характерно, что эти представления, как убедительно показал писатель, сосуществуют вполне равноправно в сознании патриархального русского крестьянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. / В. О. Ключевский. — М., 1987. — Т. 1.
2. Баженова А. Солнечные боги славян / А. Баженова // Мифы древних славян. — Саратов, 1993.
3. Энциклопедия обрядов и обычаев. — СПб., 1996. — С. 475-476.
4. Толстая С. М. Душа / С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. — М., 2001. — Т. 2.